
М. Ф. Шумейко

100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В БЕЛАРУСИ И ЛИТВЕ: АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тему статьи автору в какой-то степени подсказал подготовленный сотрудниками Национального исторического архива Беларуси и Белорусского государственного университета сборник документов, заключительный раздел которого включает документы об увековечении событий войны 1812 г. в ее 100-летний юбилей¹, а также публикации юбилейной тематики их российских коллег². Однако были и иные причины, побудившие обратиться к ней. В их числе желание разобраться, насколько отличались (и отличались ли?) своими характером и направленностью юбилейные торжества, происходившие век тому назад в Вильно, Ковно, Витебске, Могилеве, Минске от подобных мероприятий, имевших место в Москве, Петербурге, Смоленске и других городах европейской России, затронутых «грозою двенадцатого года». Это не является праздным любопытством, но имеет, на наш взгляд, социально-психологическое значение. Выяснить, одинаково ли относился к событиям вековой давности крестьянин белорусской (литовской) губернии и мужик из Тверской, Московской, Псковской губерний — значит, в какой-то мере понять и логику действий потомков этих людей в 1812 г.³

Своеобразным алгоритмом современной оценки событий 1812 г., на наш взгляд, может служить приветствие директора Института всеобщей истории РАН академика А. О. Чубарьяна участникам международной научной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте развития всеобщей истории», проходившей в Киеве 17 октября 2012 г. В нем, в частности, говорилось: «Вооруженное противостояние Французской

¹ Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич. Минск, 2011. 559 с. (раздел 7: «Увековечение и празднование 100-летнего юбилея»).

² Серова С. А. 100-летие Отечественной войны: юбилейная литература и публикаторская деятельность // ВА. 2012. № 3. С. 43–50; Смирнов И. И. Священной памяти двенадцатого года // Наше наследие. 2012. Т. 103. С. 24–36.

³ На проблему «юбилееведения», как своеобразный показатель отношения современного общества к оценке тех или иных исторических событий, обращает внимание, С. О. Шмидт, который пишет: «Обращение к круглым датам, возвращающее память к крупнейшим явлениям прошлого, всегда имеет знаковое значение для того времени, когда отмечается та или иная годовщина. Юбилейные торжества обычно показывают, что и когда выделяется и оценивается потомками из многообразия минувшей жизни, на какие события, личности, памятники культуры направлено внимание, что из ранее пропагандируемого (или изучаемого) теперь вызывает меньший интерес у властных структур, широкой общественности или ученых. Отбор и оценка явлений прошлого — всегда показатель современного общественного сознания, новейшего уровня историко-культурных представлений и научных знаний» (Шмидт С. О. Е. А. Болховитинов и становление науки российской истории // Шмидт С. О. После 75: Работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 433)

и Российской империй в 1812 г., известное в российской исторической литературе как “Отечественная война”, имело далеко идущие последствия не только для главных протагонистов этой трагедии — России и Франции, но и практически для всех стран Старого и Нового света. Именно с эпохи Наполеоновских войн берут свое начало практические проекты интеграции европейских государств с целью мирного сосуществования на континенте. До сих пор глобальное значение событий 1812 г., прежде всего исторической победы Российской империи, не получило в мировой историографии достаточного освещения, и в разных странах на нее по-прежнему смотрят преимущественно сквозь призму сугубо национальных историй»⁴.

Обращаясь к событиям вековой давности, нельзя не принимать во внимание воздействия на российское (белорусское) общество, результатов пропагандистской кампании накануне 100-летнего юбилея войны, о которой в свое время говорил первый ректор Белорусского государственного университета, выдающийся историк-славист, академик В. И. Пичета, ставивший себе в заслугу, что имел смелость в 1912 г. пойти вразрез с официально-охранительной историографией в части оценки Бородинского сражения. «В 1912 г. на торжественном акте в Практической академии наук в присутствии попечителя академии Джунковского, — писал он, — в разгар официальных торжеств я читал речь о сражении при Бородине, где называл его поражением, и *только в английском журнале “Русское обозрение”* (курсив мой. — М. Ш.) я мог напечатать свой доклад»⁵.

Как известно, в масштабных торжествах на официальном уровне, развернувшихся летом — осенью 1912 г. по всей России, активно участвовали императорская семья, государственные структуры, Русская православная церковь, армия. В ходе их подчеркивался народный характер войны, отмечалась значительная роль крестьян в победе над Наполеоном, что было призвано подтвердить доктрину «народного самодержавия»⁶. Общественность же (преимущественно либерального толка) отметила юбилей войны роскошно изданным семитомником «Отечественная война и русское общество, 1812–1912» (М., 1911), в котором было высказано немало критических замечаний

⁴ Цит. по сайту Украинского НИИ архивного дела и документоведения: <http://undiasd.archives.gov.ua/> (режим доступа 10.11.12).

⁵ Из показаний арестованного 16 сентября 1930 г. В. И. Пичеты, данных им 22 октября 1930 г.: Мое общественно-политическое «credo» // Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт: 1921–1941. Минск, 2006. С. 324. Правда, возвратившись из ссылки, он изменил свое мнение и в «антипокровском» сборнике статей будет говорить о Бородинском сражении как о победе русской армии, а не поражении, как писал он в статье 1912 г. (ср.: Пичета В. И. М. Н. Покровский о войне 1812 года // Против исторической концепции М. Н. Покровского: Сб. ст. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 287 и его же статью в английском журнале: Russian Review: A quarterly Review of Russian History, Economics and Literature. L., 1912. Vol. 1. № 4. P. 38–46).

⁶ Народный характер войны 1812 г., но применительно лишь к великорусским губерниям, отмечался еще задолго до ее 100-летнего юбилея. Так, проезжая осенью 1893 г. через Вену, Варшаву, Вильно, бывший при М. Н. Муравьеве попечителем Виленского учебного округа И. П. Корнилов писал: «Войну 1812 г. мы справедливо называем нашею народною войною, потому что народ действовал заодно с нашими войсками. Но эта война сделалась народною не в Ковенской или Виленской губерниях, а в великорусских православных губерниях». (Корнилов И. П. Путевые заметки. Витебск, 1895. С. 22–23).

в адрес русской монархии, в том числе и о ее неспособности адекватно понимать национальные интересы России на разных этапах истории⁷. Однако эти голоса тонули в общем хоре славословий в адрес «мудрых российских монархов», сплотивших русское общество перед угрозой иноземного нашествия и отстоявших таким образом национальную независимость.

Обратившись к историографии войны 1812 г., нельзя не заметить, что ее оценки менялись от юбилея к юбилею. Если при Николае I, рассматривавшем Францию как источник революционной заразы, наиболее торжественно отмечался не юбилей Бородинской битвы и изгнание Наполеона из России, а взятие в 1814 г. коалиционными войсками Парижа, то при Николае II, в преддверии столкновения России с Германией и Австро-Венгрией, акценты явно переменялись. «В непостижимом затмении мы вели с Наполеоном I ряд разорительных войн, отстаивая своей грудью Пруссию и Австрию», — писал в начале 1914 г., выражая официальную позицию, авторитетный публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков⁸.

Но это в контексте международной политики. А менялись ли оценки войны с учетом внутреннего положения России и, если так, то в связи с чем?

Изложение событий 1812 г. в монографии, увидевшей свет в 1938 г., в преддверии второй мировой войны, академик Е. В. Тарле, который, по справедливому замечанию современного российского историка, «был цинично склонен к конъюнктурности, признаваемой им хотя и малоприятной, но обязательной для обеспечения удобного существования и успешного продолжения публичной научной деятельности»⁹, начинает с ответа на

⁷ Редактором этого сборника был В. И. Пичета (вместе с А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым), им же был написан ряд статей для него, в частности: «Международная политика России в начале царствования Александра I (до 1807 г.)» (т. 1), «Международная политика России после Тильзита» (т. 2), «Польская конфедерация в 1812 г.» (т. 3), «Александр I и Европа» (т. 7) и др. Кроме того, в юбилейный и последующие годы увидели свет и другие подготовленные ученым работы о войне 1812 г. В их числе: исторический очерк «Причины Отечественной войны» (М., 1912. 80 с.); статья: Внешняя политика России до 1812 г. // Отечественная война и ее причины и следствия: Иллюстрированный сборник. М., 1914. С. 41–58; Война 1812 г. и народное хозяйство // Война и мир: Сб. памяти Л. Н. Толстого. М., 1912. С. 227–246.

В личном фонде В. И. Пичеты в АРАН хранится также ряд рукописей его работ уже послеоктябрьского периода разной степени готовности о событиях 1812 г. на территории Литвы и Беларуси. В их числе — условно названная обрабатывавшими фонд архивистами монография «Литва и Белоруссия в 1812 г.» (Ф. 1548. Оп. 1. Д. 65. 107 л.); машинописный фрагмент ее под одноименным названием (Д. 66. 57 л.); статья «Расправа с Вакаром и Варлаамом» (Д. 67. 9 л.); план-проспект работы «Россия, Франция и польский вопрос 1807–1812 гг.» (Д. 185. 6 л.) и др.

⁸ Цит. по: «...Несомненная победа далась стране дорого»: И. О. Гаркуша и С. С. Секиринский о вкладе архивистов и историков в сохранение и использование документов об Отечественной войне 1812 года // ОА. 2012. № 4. С. 77.

⁹ Шмидт С. О. И. М. Гревс и воспитание историей // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М., 2011. Т. 2: Двадцатое столетие, кн. 2. С. 195. Любопытно приводимые этим же автором оценки данной работы Е. В. Тарле, которые ей давал в 1938 г. знаменитый итальянский историк и философ Б. Кроче: «Тарле по долгу службы тоталитарному государству вынужден ежедневно служить марксистскую мессу, не веря при этом — как часто бывает у священников — в ее формулы» (Там же. С. 196).

главный, по его мнению, вопрос: как отнеслось к наполеоновскому нашествию подавляющее большинство народа, т. е. тогдашнее крепостное крестьянство, помещичьи, государственные, удельные крестьяне.

Он отмечает, что в начале войны в русском крестьянстве бродили слухи, в которых представления о Наполеоне связывались с мечтаниями об освобождении. И хотя ученый не дифференцирует это самое «русское крестьянство», из контекста его дальнейших рассуждений можно сделать вывод, что речь шла в первую очередь о жителях бывшего Великого Княжества Литовского, лишь несколько десятилетий тому назад ставших подданными Российской империи. «Французская армия занимает Литву, занимает Белоруссию. Белорусский крестьянин восстает, надеясь освободиться от панского гнета. Белоруссия была в июле и августе 1812 г. прямо охвачена бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания. Помещики в панике бегут в города — в Вильну к герцогу Бассано, в Могилев к маршалу Даву, в Минск к наполеоновскому генералу Домбровскому, в Витебск к самому императору. Они просят вооруженной помощи против крестьян, умоляют о карательных экспедициях, так как вновь учрежденные Наполеоном польские и литовские жандармы недостаточно сильны, и французское командование с полной готовностью умиряет крестьян и восстанавливает в неприкосновенности все крепостные порядки. Таким образом, действия Наполеона в Литве и Белоруссии показывали, что он не только не собирался помогать крестьянам в их самостоятельной попытке сбросить цепи рабства, но и то, что он будет всей своей мощью поддерживать крепостников-дворян и железной рукой подавлять всякий крестьянский протест против помещиков. Это согласовывалось с его политикой: он считал польских и литовских дворян основной политической силой в этих местах и не только не желал их отпугивать, внушая их крестьянам мысль об освобождении, но и подавлял своей военной силой огромные волнения в Белоруссии»¹⁰.

Данный вывод историк основывал на многих имевшихся в его распоряжении источниках, в том числе и воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа, бывшего в 1812 г. полковником в отряде Винценгероде: «Дворяне этих губерний Белоруссии... дорого заплатили за желание освободиться от русского владычества. Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства, под гнетом которого они находились благодаря алчности и разврату дворян. Они взбунтовались почти во всех деревнях, переломали мебель в домах своих господ, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты. Французская стража, исходатайствованная дворянами для защиты от своих крестьян, еще более усилила бешенство народа, а жандармы или оставались равнодушными свидетелями беспорядков или не имели средств, чтобы им помешать»¹¹.

Как отмечал Е. В. Тарле: «Уже после Смоленска, а особенно — к занятию Наполеоном Москвы, когда окончательно стало ясно, что завоеватель

¹⁰ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год. М., 1938. С. 175.

¹¹ Цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 175.

и не думает об освобождении крестьян, даже и эти отдельные проявления крестьянского движения почти прекратились. Нужно сказать, что и *по размерам, и по характеру крестьянское движение в Литве и Белоруссии, вызванное обманчивыми надеждами на Наполеона, было гораздо более бурным, чем в губерниях коренной России* (курсив мой. — М. Ш.). Как сказано, оно было там задавлено свирепыми усмирениями со стороны самого Наполеона»¹².

В связи с подобного рода оценками, можно, пожалуй, согласиться с кажущимися на первый взгляд явно преувеличенными выводами некоторых белорусских историков относительно весьма активной борьбы белорусского крестьянства *против иноземных поработителей*¹³. Действительно, крестьяне вели борьбу, но это была борьба с помещиками, бывшими в своем большинстве пособниками Наполеона.

Возвращаясь к юбилейным событиям столетней давности, происходившим в белорусских и литовских губерниях, отметим, что их центрами стали Витебск и Вильно. Это было обусловлено не только тем обстоятельством, что именно под Витебском развернулись значительные военные действия летом 1812 г., а с Вильно связано начало вступления Великой армии в пределы Российской империи, но и тем, что в этих городах в 1912 г. располагались архивно-археографические центры, библиотеки, музеи, научно-исторические общества, способные взять на себя инициативу подготовки документальных, научно-популярных изданий, выставок и других подобного рода акций юбилейного характера.

В Витебске в мае 1909 г. была открыта ученая архивная комиссия, призванная в числе прочего заниматься популяризацией памятников (включая документальные) местной истории путем их опубликования в разных форматах¹⁴. Вильно являлся не только центром военного и учебного округов, но по праву считался до его оккупации кайзеровскими войсками в 1915 г. «городом архивов, библиотек и музеев»¹⁵. Кроме Центрального архива древних актов,

¹² *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 178.

¹³ Здесь мы имеем в виду предисловие В. В. Чепко к 4-му тому сборника документов «Белоруссия в эпоху феодализма» (Минск, 1979), в котором автор пишет буквально следующее: «Наполеоновским захватчикам, несмотря ни на расправы, ни на демагогические обещания “свободы”, не удалось покорить белорусский народ. Документы показывают борьбу крестьян и горожан Белоруссии против иноземных захватчиков. Население сел и городов с приближением вражеских войск уходило в леса. Крестьяне нападали на имения помещиков — пособников оккупантов (курсив мой. — М. Ш.), захватывали обозы с продовольствием, отказывались платить налоги, выполнять распоряжения властей» (с. 5).

¹⁴ Заметим, что обращаясь в начале 1909 г. с прошением на имя витебского губернатора о целесообразности открытия в городе ученой архивной комиссии, авторы его в числе причин, по которым именно здесь должна быть создана комиссия, называли и события 1812 г.: «В 1812 г. Витебская губ. была одним из районов, в которых происходили сражения русских с великою армиею Наполеона I» (НИАБ. Ф. 2771. Оп. 1. Д. 159. Л. 31 об.).

¹⁵ Так его в начале 1920-х годов характеризовал заведующий открытым здесь в 1898 г. Муравьевским музеем А. И. Миловидов (АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 46. Л. 9): «Вильно до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев» (Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А. И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР) / подгот. М. Ф. Шумейко // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2012. С. 457–467).

не хранившего в своем составе документов XIX в., здесь располагались около двух десятков архивов разных уровней (включая и рукописные отделы библиотек и музеев), в которых находились потенциальные источники изучения и публикации юбилейной тематики. В их числе — сохранявший свыше полумиллиона дел за 1798–1912 гг. архив виленского генерал-губернатора; небольшой по объему, но весьма важный по содержанию архив Муравьевского музея; архив штаба Виленского военного округа; военный музей при Военном собрании; Рукописное отделение Публичной библиотеки, в котором в числе прочих хранились и документы французского императора¹⁶ и др. В городе с 1864 г. действовала Археографическая комиссия, издававшая «Акты», а также отдельные сборники документов; в 1910 г. здесь возобновил работу созданный еще в 1867 г. Северо-западный отдел императорского Русского географического общества, выпускавший свои «Записки» и др. Нельзя не упомянуть также и о деятельности местных губернских статистических комитетов, которые посредством губернских ведомостей оперативно включились в юбилейные торжества.

Витебская ученая архивная комиссия, в составе которой был создан особый комитет по чествованию юбилея войны 1812 г., выступила в роли инициатора создания в губернском центре памятника ее героям. Закладка памятника состоялась 26 октября 1911 г. и была приурочена к запланированному на следующий день открытию Витебского отделения Московского археологического института¹⁷. На состоявшемся тремя днями ранее общем собрании комиссии присутствовала дочь участника сражения 15 июля 1812 г. под Витебском О. Н. Петти (урожденная Волжинская), вдова губернского прокурора. Годом ранее комиссия оказала содействие делегации представителей утвержденного особого комитета по сооружению в Москве «Военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 года»¹⁸ во главе с командиром 3-го армейского корпуса ген.-лейт. П. К. Ренненкампом (в ее состав входили полковник Генерального штаба В. А. Афанасьев и новоборисовский помещик, обладатель уникальной коллекции книг о войне 1812 г. И. Х. Колодеев¹⁹), которая на автомобиле совершала

¹⁶ См.: *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882 (под № 311 описания значится «рукопись Наполеона»).

¹⁷ НИАБ. Ф. 2771. Оп. 1. Д. 158. Л. 3 об.; Витебские губернские ведомости. 1911. 20 окт.

¹⁸ Комитет был утвержден 26 января 1908 г. в ответ на ходатайство группы военных и ученых. В него вошли 38 человек, представлявших армию, городские власти, Румянцевский и Исторический музеи, Археологический институт, Военно-историческое общество и др. Комитет возглавил бывший министр народного просвещения, генерал от инфантерии В. Г. Глазов; инициатор создания полковник В. А. Афанасьев стал его секретарем. Среди членов Комитета были хранитель Оружейной палаты Московского Кремля Ю. В. Арсеньев, историки-архивисты и коллекционеры С. А. Белокуров, Г. С. Габаев, Л. М. Савелов, И. Х. Колодеев и др. Октябрь 1917 г. прервал работу по созданию музея. И только накануне 200-летнего юбилея войны 1812 г. Музей Отечественной войны 1812 г. был создан (подробнее об этом см.: *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 24–36).

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Бомбешко И. И.* Собрание И. Х. Колодеева как комплекс источников по истории русско-французских отношений 1805–1815 гг. // Французско-русская война 1812 года: Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: Мат-лы Міжнароднай навуковай канферэнцыі 29–30 лістапада 2002 г., Мінск. Мінск, 2003. С. 112–118.

проезд по местам следования в 1812 г. армии Наполеона. В июле 1910 г. по просьбе Колодеева комиссия приняла делегацию в Витебске, познакомив ее со своими библиотекой и музеем²⁰. Члены комиссии регулярно выступали с докладами, посвященными событиям 1812 г. Так, Д. С. Леонардов сделал доклад «О культурно-историческом значении этой войны», Е. П. Николаев представил слушателям «Краткий очерк партизанской и народной войны 1812 г.»²¹. Последний выступил также на торжественном заседании архивной комиссии 5 декабря 1912 г. с докладом «Памяти героев Отечественной войны, участников сражений под Витебском 13, 14, 15 июля и 26 октября 1812 г.», текст которого был напечатан в издании комиссии²².

Анализ содержания начавших издаваться с 1910 г. «Трудов Витебской ученой архивной комиссии» (с 1911 г. они выходят под названием «Полоцко-Витебская старина») свидетельствует, что тема 1812 г. занимала значительное место в них. Так, уже в первом томе были напечатаны записки участника войны, полковника А. Карпова за 1807–1837 гг., в которых описывались сражения под Витебском, Смоленском, Бородино. Здесь же публиковались находившиеся в архиве комиссии документы о французских военнопленных в Витебской губ. и выявленные в архиве Витебского губернского правления аналогичные документы (их подготовил к печати председатель комиссии В. С. Арсеньев)²³. В трех последующих томах «Полоцко-Витебской старины» были представлены выявленные в витебских губернских архивах и подготовленные к изданию хранителем архива комиссии М. А. Мельниковой «Материалы для истории Отечественной войны 1812 г.» В их числе — приказы, донесения, маршруты движения войск, документы о рекрутском наборе, продовольствии, дела о военнопленных и др.²⁴

Разумеется, Витебскую ученую архивную комиссию не могли не интересовать и документы, отражавшие ситуацию с архивами в период войны. Их выявлением и подготовкой к изданию также занималась М. А. Мельникова, работая весной 1911 г. с делами Витебского губернского присутствия за 1813 г., в которых находились документы о расхищении дел архива Витебского губернского правления «во время нападения на Витебск неприятеля»²⁵. Ею были скопированы рапорт о судьбе архива, написанный губернским архивариусом Лютовским в губернское правление от 4 января 1813 г.; определение советника губернского правления Кулешова от 21 апреля 1813 г. — о необходимости приведения в порядок уцелевшей части архива и др. Эти документы были включены Мельниковой в упомянутые выше «Материалы для истории Отечественной войны».

Для «Полоцко-Витебской старины», издававшейся уже при преемниках первого председателя Витебской архивной комиссии В. С. Арсеньева,

²⁰ НИАБ. Ф. 2771. Оп. 1. Д. 154. Л. 25, 36.

²¹ Там же. Д. 161. Л. 150.

²² Полоцко-Витебская старина. Витебск. 1912. Т. II. С. 337–349.

²³ Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Т. I. Разд. паг. С. 1–12, 1–136, 1–40; 1–32.

²⁴ Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Т. I. Разд. паг. С. 1–64; 1912. Т. II. С. 249–298; 1916. Т. 3. С. 241–307.

²⁵ НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 5377. Л. 1–5.

последний, переведенный в Тулу и там возглавивший местную архивную комиссию, подготовил ряд материалов, в том числе — очерки об участниках боев под Полоцком, Чашниками, Витебском, ген.-майорах Д. Л. Игнатьеве, М. А. Арсеньеве с приложением их формулярных списков и портрета (Арсеньева) (т. 2); обладатель уникального книжно-рукописного собрания в Щорсах гр. К. А. Хрептович-Бутенев осуществил перевод с французского фрагментов записок маркиза Пасторэ (Pastoret), касающихся его непродолжительного губернаторства в Витебске в 1812 г., с немецкого — записок гр. Карла фон Веделя о пребывании в плену в Витебске в 1812–1813 гг. иностранцев-офицеров Наполеоновской армии (т. 3).

Вторым «архивно-археографическим центром», широко отмечавшим 100-летний юбилей войны 1812 г., являлась Вильна. В 1912–1913 гг. в составе пятой книги издававшегося Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернаторским управлением «Виленского временника» был напечатан (в двух частях) сборник документов «Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг.». Первая часть имела подзаголовок «Переписка по военной части» (ее готовил полковник Генерального штаба С. В. Томилин), вторая — «Переписка по части гражданского управления» (советник губернского правления Ю. В. Татищев).

Сборник открывался публикацией портрета Александра I работы неизвестного художника, лично пожалованного российским императором Виленскому университету при открытии последнего и переданного затем в Виленскую публичную библиотеку. В предисловии отмечалось, что идея издания сборника была подсказана императорским Русским историческим обществом и Виленской археографической комиссией, выпустившими уже к этому времени подобные сборники²⁶. По мнению автора предисловия, «данные генерал-губернаторского архива могут и должны внести свой вклад в историографию эпохи, которая как во всем своем объеме, так и в отдельных ее моментах освещена далеко не всесторонне»²⁷.

В сборник вошли документы исключительно русской стороны, поскольку, как объяснял Татищев: «Виленский генерал-губернаторский архив не хранит в себе, да и по своему назначению не мог хранить актов французского управления краем. Часть их, как известно, находится в Щорсовском архиве гр. Хрептовича-Бутенева, часть нужно искать в архиве Виленской казенной палаты, Виленской городской думы и м. б. канцелярии Виленского губернского предводителя дворянства»²⁸.

Соответствующий подбор документов для сборника сопровождался содержащимися в предисловии суждениями концептуального характера, которые отражали официальную точку зрения в части, характеризовавшей отношение населения «Северо-Западного края» к происходившим в 1812 г. военным событиям.

²⁶ Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 128; 1909. Т. 129: Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. I, III; Акты Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. Вильна, 1912. Т. 37.

²⁷ Виленский временник. Вильна, 1912. Кн. 5, ч. 1. С. VI.

²⁸ Там же. Вильна, 1913. Ч. II. С. 29.

«Северо-Западному краю, — писал Ю. В. Татищев, — было суждено стать печальной ареной спора двух братских народностей: неотвратимый ход исторических событий, то, что принято называть судьбою народов, бесповоротно решил этот спор в пользу великодержавной. Борьба велась, конечно, теми кругами общества, которые делали историю — народные массы, не принимая ближайшего в ней участия, жаждали тишины и покоя. Но есть покой мирного трудового процветания и покой смерти: здравый смысл литовца и белоруса подсказал ему, что первый мыслим и возможен для него только в слитном единении с русским народом и что вне этого единения — национальное небытие, политическая смерть. События 1812 года были первым серьезным экзаменом этого здравого смысла, и следует признать, что он был сдан вполне удовлетворительно. Но на инертной и безмолвной народной толще лежал тонкий слой чуждого ей по культуре, языку и религии богатого поместного дворянства, который, опираясь на свое значение, уверенно говорил от имени народных масс и представлял за них. Необходимо иметь в виду, что за 18 лет, прошедших со времени воссоединения Северо-Западного края с Россией, этот класс не успел еще расстаться со свежим воспоминанием об утраченной самостоятельности и о том огромном влиянии, которое он имел в Польском государстве. Этим умело воспользовался великий корсиканец, не брезговавший никакими средствами в своей отчаянной борьбе с северным колоссом»²⁹.

Юбилей войны 1812 г. нашел отражение и в продолжающемся издании Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества, в его «Записках». Так, в 3-й книге, вышедшей в юбилейный год, в разделе «История» была помещена статья С. Ф. Добрянского «К истории Отечественной войны: Состояние Вильны к 1812 г.»; раздел «Археография» открывали публиковавшиеся под рубрикой «К 100-летию Отечественной войны» «Материалы для истории школ Северо-Западного края при французском правлении в 1812 г.».

Документами 1812 г. был укомплектован и 37-й том 39-томного серийного издания Виленской археографической комиссии. Для его подготовки составители вынуждены были нарушить традицию издания (публиковать документы, преимущественно хранившиеся в Виленском центральном архиве древних актов книг) и обратиться к рукописному отделению Виленской публичной библиотеки и Виленскому военному музею³⁰. Из более чем 900 документов, включенных в том, две трети составляли распоряжения Временного правительства Великого Княжества Литовского, в основном относившиеся к деятельности Борисовской

²⁹ Виленский временник. Вильна, 1913. Ч. II. С. 118.

³⁰ В отчете Комиссии за 1910 год по этому поводу говорилось: «В виду наступающего в 1912 году столетнего юбилея *отечественной* (именно так, со строчной буквы было написано название. — М. Ш.) войны 1812 года, Комиссия решила ознаменовать это великое событие в истории России изданием документов, относящихся к 1812 г., которых немалое количество сохраняется в Виленской публичной библиотеке. С этой целью членами Комиссии рассмотрены все, имеющиеся в Публичной библиотеке дела 1812 года и из них выбраны для печатания те, которые могут представить богатый материал для истории этой памятной эпохи» (Отчет Виленской комиссии для разбора и издания древних актов за 1910 год. Вильна, 1911. С. 6).

подпрефектуры³¹. Несмотря на то, что районом деятельности последней был один лишь Борисовский уезд, тем не менее, как подчеркивалось в уже ином юбилейном издании, «относящиеся к этой деятельности акты находятся в тесной зависимости от распоряжений высшего правительственного органа — Комиссии временного управления Минского департамента, а эта последняя, в свою очередь, состояла в подчинении Временного правительства Великого Княжества Литовского»³². Из документов русских военных и гражданских властей публиковались приказы по русской армии, рапорты, донесения, распоряжения начальников отдельных отрядов армии, списки отличившихся и награжденных, сведения о монастырях, церквях, священнослужителях Минской епархии, потерпевших от наполеоновского нашествия и др. В приложении к тому были помещены две карты войны 1812 г., а также автографы Александра I, Наполеона и некоторых русских и французских генералов.

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от вышедших в Петербурге и Москве документальных сборников, посвященных событиям 1812 г. и содержащих преимущественно источники военно-оперативного характера, в аналогичных витебских и виленских изданиях преобладали документы и материалы о деятельности гражданской администрации, создаваемой Наполеоном на занятой им территории Литвы и Беларуси. Это обусловлено, на наш взгляд, не только обстоятельствами объективного характера (отсутствие в местных архивах, музеях, библиотеках документов военно-оперативного характера), но и желанием местной администрации познакомить российскую читающую публику с особенностями происходивших в 1812 г. событий на территории не так давно включенных в состав Российской империи земель — Литвы и Беларуси. А в том, что эти особенности существовали, нетрудно было убедиться, познакомившись с опубликованными документами, несмотря на более чем активные усилия, предпринимавшиеся готовившими их к изданию составителями, как это мы уже видели на примере выше цитированного фрагмента из предисловия Ю. В. Татищева. Впрочем, и в столичных юбилейных изданиях также нередко встречаются сведения отнюдь не патриотического характера. Так, в составленной накануне четвертьвекового юбилея войны 1812 г. и опубликованной в столетний юбилей записке могилевского коменданта губернскому предводителю дворянства о событиях в Могилеве в 1812 г., объяснение причины так называемой могилевской смуты, связывалось не только со «слабостью характера архиепископа Варлаама», но и с тем, что могилевский гражданский губернатор гр. Толстой дезориентировал архиепископа заверением, что французам никогда не удастся взять Могилев³³. Далее

---

³¹ Выявлением и археографической обработкой этих документов занимались бывшие в 1910 г. членами Комиссии А. О. Турцевич и Д. И. Довгялло; предисловие же к тому написал вошедший 11 октября 1911 г. в состав Комиссии А. С. Вруцевич.

³² Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 17 апреля 1864–1914: Юбилейная записка. Вильна, 1914. С. 46.

³³ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года / под ред. К. Военского. СПб., 1912. Т. 3: Белоруссия в 1812 году. С. 9–14; документ перепечатан также в кн.: Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и мат-лов. Минск, 1979. Т. 4: Социально-политическая история и культура Белоруссии первой половины XIX в. Отечественная война 1812 г. С. 48–51.

автор записки писал: «В церквах сохранено было все благочиние и французы церквей не грабили и не делали в оных конюшни, как сие принято было у них за правило в других городах; имущество всякого жителя было неприкосновенно; по предстательству Крогера несколько французов и жидов было расстреляно за грабительство, и во всем был сохранен порядок по тогдашнему смутному времени, насколько обстоятельства позволяли»³⁴.

«Никаких частных подвигов от Могилевской губ. в отношении к неприятелю оказываемо не было»³⁵, — свидетельствовал в аналогичной записке, составленной 25 января 1837 г., губернский предводитель дворянства.

Еще более «антипатриотическими» выглядели события первых дней войны в изложении гродненского губернатора, составленном 23 апреля 1837 г., и также публиковавшемся в центральных российских документальных изданиях. Губернатор подчеркивал, что в губернии «ярче обнаруживается мысль о восстановлении в случае общей независимости Литвы и Польши». В подтверждение этого он писал: «15 июля дворяне и жители Слонимского у., прежде чем вошли французские войска, по призыву генерала Ренье составили акт конфедерации, в котором, восставая против России и изъявляя готовность всеми силами содействовать неприятелю, отправили на Варшавский сейм делегатов; то же сделали и другие уезды»³⁶.

Таким образом, проведенный нами анализ с архивно-археографической точки зрения позволяет высказать предположение о том, что нет оснований утверждать о существенных отличиях в характере юбилейных торжеств, происходивших сто лет тому назад в белорусских и собственно российских губерниях. К тому же приближался очередной юбилей — 300-летие дома Романовых, на подготовке которого и сконцентрирует все свое внимание пропагандистская машина Российской империи.

---

³⁴ Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 50.

³⁵ Там же. С. 52.

³⁶ Там же. С. 65.